

УДК 341.212.2:94(519)

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.34.83>

Дипломатический статус Королевства Чосон в условиях соперничества Китая, Японии и России на Корейском полуострове (конец XIX в.)¹

Л. Е. Козлов

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Аннотация. Анализируются признаки неполного суверенитета Королевства Чосон и его попытки проводить суверенную дипломатию, а также сравниваются подходы великих держав к отношениям с Чосоном. Неопределенность дипломатического статуса Кореи в конце XIX в. можно проиллюстрировать следующим противоречием. С одной стороны, великие державы признавали суверенитет Кореи ограниченным и назначали туда министра-резидента или генерального консула, т. е. дипломатического представителя третьего-четвертого уровня. С другой стороны, Цинское правительство хотя и мешало Чосону в проведении самостоятельной внешней политики, но не могло направлять ее по своему усмотрению. В 1901–1902 гг. дипломатический статус Королевства Чосон де-юре наконец стал полностью суверенным, но де-факто внутренние проблемы и слабости не исчезли и уже в 1904–1905 гг. привели к установлению японского протектората над Кореей.

Ключевые слова: дипломатическая служба, дипломатическое право, неравноправные договоры, ограниченный суверенитет, Королевство Чосон.

Для цитирования: Козлов Л. Е. Дипломатический статус Королевства Чосон в условиях соперничества Китая, Японии и России на Корейском полуострове (конец XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 34. С. 83–89. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.34.83>

Ввиду значительного влияния, которое оказывают на современную мировую политику и экономику страны Корейского полуострова, растет актуальность изучения исторического фундамента корейской дипломатии. Дипломатические службы РК и КНДР создавались в середине XX в. отнюдь не на пустом месте: им предшествовал краткий, но бурный период открытия портов и Тэханской империи.

В 70–80-е гг. XIX в. Корея делала первые шаги на пути освоения современной модели дипломатии. Этот путь затрудняли инерция вассально-сюзеренных отношений с Китаем и неопределенный статус Кореи в международных отношениях. В настоящей статье анализируются признаки неполного суверенитета Королевства Чосон и его попытки проводить суверенную дипломатию, а также сравниваются подходы великих держав к отношениям с Чосоном. Преимущественное внимание уделено Китаю, Японии и России,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 20-511-93005 «Развитие стратегического партнерства России и Китая в Восточной Азии».

поскольку их заинтересованность в корейских делах была заметно большей, чем у Великобритании, США и Франции, и в конечном счете привела к двум войнам, прямо повлиявшим на судьбу Корейского полуострова.

Хотя в исторической литературе традиционно подчеркивается неравноправный характер первых международных договоров Кореи с Японией и США, они были неравноправными в торговых вопросах, но о дипломатическом равенстве Кореи с этими партнерами говорили совершенно конкретно. Статья 2 Канхваского договора 1876 г. предусматривала обмен между Кореей и Японией посланниками в течение следующих пятнадцати месяцев и учреждение постоянных представительств в каждой стране. Контрагентом Японии в Корее устанавливалось Министерство обрядов, а для корейского посланника – Министерство иностранных дел Японии [5]. Статья 2 Договора о мире, дружбе, торговле и мореплавании между США и Кореей 1882 г. подробно говорила о взаимном назначении дипломатических и консульских представителей, причем в отношении консулов всячески подчеркивалось, что они должны назначаться из государственных чиновников, а не торговцев и что назначенные консулы не должны вовлекаться в торговлю. Также здесь указывалось на привилегии, права и иммунитеты дипломатов и консулов и на консульскую экзекватуру [4]. Таким образом, в 1882–1883 гг., когда был подписан и ратифицирован договор с США, корейская сторона уже однозначно понимала порядок и форму современных дипломатических и консульских сношений.

Китай, который исторически был сюзереном Кореи, на стадии подписания этих договоров не отрицал их правомерность и был осведомлен о предшествовавших им переговорах. Более того, в Китае в это время уже издавалась западная литература о дипломатическом праве: «Начала международного права» Генри Витона, «Введение в изучение международного права» Теодора Вулси и «Современное международное право цивилизованных государств» Иоганна Блюнчли. Эти книги были переведены на китайский язык в 1864, 1877 и 1880 гг. соответственно и вскоре после перевода импортированы в Корею. Книгу Блюнчли правительство Кореи переиздало и широко распространило в 1896 г. [3]. В международном праве корейцам особенно импонировало вестфальское понимание суверенитета, предполагающее, что имеющая международное признание и не вмешивающаяся в чужие внутренние дела страна не может быть самовольно захвачена другой страной.

Однако после мятежа Имо 1882 г. китайская позиция изменилась. Китай навязал Корее составленные по форме европейских международных договоров Правила морской и сухопутной торговли, которые носили еще более неравноправный характер, чем договоры Кореи с Японией и США. В соответствии со ст. 1 и 2 этих правил Китай направлял в каждый открытый порт Кореи торговых комиссаров, каковые фактически были консульскими работниками и осуществляли юрисдикцию над китайскими подданными в своем округе. В Сеуле размещался так называемый генеральный комиссар по торговле и переговорам, который ведал далеко не только вопросами международной торговли, но и осуществлял надзор за корейской внутрен-

ней и внешней политикой. Корейский монарх имел право послать комиссаров по торговле в китайский порт Тяньцзинь, но они не обладали юрисдикцией над корейскими подданными [8]. Назначение наместника провинции Чжили Ли Хунчжана контрагентом корейской стороны в сношениях с Китаем подчеркивало, что Китай считает Корею политической единицей провинциального уровня.

Между тем Корея, наблюдая за успехами японских реформ, живо интересовалась развитием отношений с западными странами. В составе учрежденного в 1880 г. Тхоннигиму амуна, примерно соответствовавшего государственному министерству в европейских странах XIX в., работали среди прочих управления по отношениям с Китаем (садэ) и другими иностранными государствами (кёрин). Дипломатия Кореи больше не смешивалась с государственными ритуалами: дипломатическое и ритуальное ведомства занимались каждый своим делом.

После мятежа Имо формирование дипломатического аппарата Кореи продолжилось под китайским контролем. Спектр обязанностей «ведомства переговоров и торговли» (Тхоннигёсоптхонсансаму амуна) в итоге получился очень пестрым, к примеру, в них входило взимание налога на соль [9]. Но также оно осуществляло и обычные функции центрального аппарата МИДа, как то: ведение дипломатической переписки и переговоров, составление проектов договоров и хранение заключенных договоров, отправка делегаций за рубеж и размещение иностранных миссий в Корею, выдача национальных виз иностранцам, составление верительных грамот, решение вопросов экстерриториальности и т. п. [10]. С китайской стороны в данное ведомство были назначены два советника, правда, назначение П. Г. Мёллендорфа имело обратный ожиданиям Пекина эффект и скорее способствовало суверенизации корейской дипломатии. Несмотря на это, иностранные постпреды в Сеуле, по воспоминаниям американского миссионера Г. Халберта, «чувствовали некоторые затруднения при обращении в учреждение, где все решалось назначенным Китаем иностранцем», а их МИДы зачастую решали свои вопросы по Корею через постпредов в Пекине [1].

Многие корейские политики, анализируя вызовы, угрозы и слабости Кореи, полагали, что именно дипломатическое лавирование между великими державами обеспечит Корею независимость на период модернизации экономики и вооруженных сил [6]. Чтобы ограничить влияние прокитайской фракции корейской аристократии, Кочжон старался установить отношения с как можно большим числом зарубежных партнеров, то есть не только великие державы добивались приобретения влияния в Корею, но и сама Корея стремилась к установлению отношений с великими державами и хотя бы формальному признанию ее самостоятельности.

Япония и США подталкивали Корею к проведению самостоятельной внешней политики, в частности к назначению постоянных диппредставителей. Впервые постоянные миссии за рубежом Корея создала в 1887 г. в Японии и в 1888 г. в США. Размещение миссии в Токио шло проще, поскольку Япония держала в Корею и капитал, и военный контингент, но миссия в Ва-

шингтоне натолкнулась на жесткое сопротивление Китая. Ли Хунчжан давал на нее согласие лишь при условии, что корейского полномочного министра Пак Чунъяна при первой официальной встрече в стране пребывания будут сопровождать китайские дипломаты и что в важных делах корейские дипломаты обязательно должны советоваться с китайскими. Пак Чунъян вначале согласился с этими требованиями, но по прибытии в Вашингтон вручил верительные грамоты и был принят президентом США Г. Кливлендом в обычной для дипломатов суверенных стран форме. Узнав об этом, Китай настоял на его досрочном отзыве. В том же 1888 г. российский посланник в Пекине в донесении центральному аппарату в Санкт-Петербурге выражал мнение, что Корея остается в полузависимом состоянии, что не дает ей права на отправление собственных послов [2, с. 118–119].

Неопределенность дипломатического статуса Кореи в 80-е гг. XIX в. можно проиллюстрировать следующим противоречием. С одной стороны, европейские державы, Россия и США признавали суверенитет Кореи ограниченным и назначали туда министра-резидента или генерального консула, т. е. диппредставителя третьего-четвертого уровня. С другой стороны, китайское правительство не контролировало ситуацию в Корее полностью. Ли Хунчжан хотя и мешал вану Кочжону в проведении самостоятельной внешней политики, но не направлял ее по своему усмотрению. Помимо Японии и США, Корея в это десятилетие подписала договоры с Великобританией, Германией, Россией, Италией, Францией, на основе которых в Сеуле сформировался иностранный дипкорпус и даже был выбран дуайен.

Дипотношения Российской империи и Королевства Чосон были установлены договором о дружбе и торговле 1884 г. и конкретизированы Правилами о пограничных сношениях и торговле на Тумынь-Цзяне 1888 г. Ввиду размытого статуса Кореи российской дипломатии было сложно выработать последовательную линию в корейском вопросе. Уровень российского представительства в Корее изначально был задан самый низкий (генеральный консул). Российские дипломаты вели себя осторожно, чтобы избежать трений с Китаем. В результате пророссийская фракция в Корее оставалась многочисленной, была слаба российская предпринимательская и военная активность.

После поражения в войне с Японией 1894–1895 гг. Китай среди прочих уступок отказался от сюзеренитета над Кореей. Правила морской и сухопутной торговли 1882 г. и другие соглашения, предоставлявшие Китаю особые преимущества в Корее, были расторгнуты, а в 1898–1899 гг. две страны установили дипотношения на равноправной основе. Таким образом, система договоров Кореи с Китаем и Японией радикально изменилась, но договоры с западными странами остались прежними, и Корея на следующее десятилетие получила больше свободы в дипломатических вопросах. Несмотря на это, корейская дипломатия находилась в шатком положении. Раздиравшая корейскую аристократию борьба фракций, ориентированных на различные внешние силы, делала невозможной проведение единой внешнеполитической линии. Кочжон вынужден был регулярно прибегать к тайной диплома-

тии в обход своего министерства иностранных дел. Его министры так же регулярно устраивали утечки информации в зарубежные посольства. Иностранные постпреды в Сеуле сообщали о политическом хаосе в Корее своим правительствам, поэтому великие державы без какого-либо стеснения вели между собой переговоры и заключали договоры о разделе сфер влияния в Корее без участия самих корейцев.

В 1897 г. ван Кочжон провозгласил Корею империей и дал стране название Великая Хан. Утвержденная им в 1899 г. корейская квазиконституция заявляла, что Тэхан является независимым государством и может самостоятельно принимать решения по таким вопросам, как отправка дипломатов, объявление войны и заключение мирных договоров. В связи с этим до уровня империи были подняты все государственные ритуалы и церемонии, восточные нормы корейского протокола постепенно заменялись на европейские. В 1902 г. в Корее был опубликован так называемый церемониальный устав, по которому иностранный дипломат, представляя послание своего государя, совершал поклон императору Кочжону, а тот отвечал на приветствие, вставая с трона. Эта церемония символизировала то, что посланиями обмениваются равные суверены [7].

В 1897 г. Кочжон формально учредил пять постоянных дипмиссий: в России, Японии, США, Великобритании и с 1899 г. в Китае. В реальности до 1901 г. находились на своих местах лишь посланники в Токио и Вашингтоне. Ли Бомчжин из Вашингтона был далее переведен в Санкт-Петербург, и больше года пост в США был вакантным. В 1901 г. Кочжон назначил отдельных посланников в Великобританию, США, Германию и Францию, оставив Ли Бомчжина посланником исключительно в России. Все руководители постоянных и временных миссий Чосона за рубежом были политическими назначенцами, а не кадровыми дипломатами и часто перемещались между дипломатическими и внутригосударственными должностями: с октября 1897 г. по февраль 1904 г. Кочжон сменил 27 иностранных постпредов [2, с. 177]. Несмотря на организационные проблемы корейской дипломатии, зарубежные державы в 1901–1902 гг. повысили статус своих постпредов в Сеуле до посланника (второй ранг), исходя из формального суверенитета Кореи в международных отношениях.

Таким образом, де-юре в 1901–1902 гг. дипломатический статус Королевства Чосон наконец стал определенным и полностью суверенным, но де-факто внутренние проблемы и слабости – прежде всего непоследовательная внешнеполитическая линия, слабая армия, низкая дисциплина высшей бюрократии, фракционная борьба бюрократии и отсутствие диалога власти и общества, в том числе по национальным интересам – не исчезли и уже в 1904–1905 гг. привели к установлению японского протектората над Кореей.

Список литературы

1. *Симбирцева Т. М.* «Загадочный» барон П. Г. фон Мёллендорф и его «прорусская» деятельность в Корее (1882–1885) // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар : сб. ст. СПб. : Фонд восточных культур, 2002. С. 25–44.

2. *Шарафетдинова А. И.* Политика США в Корее в 1866–1905 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Ин-т востоковедения РАН. М., 2014. 232 с.
3. *An Jong-Chol.* Korean understanding of “civilization” and “sovereignty” in the late 19th century: an analysis on three international law books // *Korea in global history: the long nineteenth century and the foreign powers.* Program of conference. Heidelberg, May 19–21, 2017. P. 7.
4. Peace, amity, commerce, and navigation treaty between the United States of America and the Kingdom of Chosen // *Library of Congress. United States treaties. 1775–1949. Vol. 1 (1776–1917).* URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans.php> (date of access: 08.07.2020).
5. Treaty of peace and friendship between the Empire of Japan and the Kingdom of Korea // *Database “The World and Japan”.* Univ. of Tokyo. URL: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/indices/docs/index-ENG.html> (date of access: 08.07.2020).
6. *Baek Seungcheol.* Acknowledging of international affairs and diplomatic theory of the Kim Yun Shik’s Unyang // *Yeol-sang journal of classical studies.* 2014. N 42. P. 13–39.
7. *Kim Moon-sik.* Emperor Gojong’s Diplomatic Protocol in Great Han Empire // *The Journal of Japanese Studies.* 2011. Vol. 32. P. 19–53.
8. *Lee Eun-Ja.* A study on the Chinese commercial affair office in late Qing dynasty // *Journal of Ming-Qing historical studies.* 2008. Vol. 30. P. 359–396.
9. *Lee Younghak.* Levying salt tax revenue and its characteristics in the late 19th century // *Korean studies.* 2012. Vol. 26. P. 389–430.
10. *Yoo Ba-Da.* From gyorin to diplomacy: international legal rights and limitations of Joseon’s foreign office // *The journal for the studies of Korean history.* 2019. N 11. P. 7–27.

The Diplomatic Status of the Joseon Kingdom in the Context of the Competition among China, Japan and Russia on the Korean Peninsula (Late 19th Century)

L. E. Kozlov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. At the end of the 19th century Korea took the first steps towards developing a modern model of diplomacy. This process was hampered by the inertia of vassal-suzerain relations with China and the uncertain status of Korea on the global arena. The author analyzed the indications of incomplete sovereignty of the Joseon Kingdom and its attempts to conduct sovereign diplomacy. The attitude of the great powers to Joseon has been considered. The uncertainty of Korea’s diplomatic status at the end of the 19th century can be illustrated by the following contradiction. On the one hand, the great powers recognized Korea’s sovereignty as a limited one and assigned a minister resident or consul general, which corresponds to the third and fourth level of a diplomatic representative. On the other hand, the Qing government prevented Joseon from pursuing an independent foreign policy, but could not shape it at its discretion. In 1901–1902, the diplomatic status of the Joseon Kingdom finally became fully sovereign *de jure, de facto* though internal problems and weaknesses did not disappear, and in 1904–1905 a Japanese protectorate over Korea was established.

Keywords: diplomatic service, diplomatic law, unequal treaties, semi-sovereignty, Joseon Kingdom.

For citation: Kozlov L.E. The Diplomatic Status of the Joseon Kingdom in the Context of the Competition among China, Japan and Russia on the Korean Peninsula (Late 19th Century) . *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2020, vol. 34, pp. . <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.34>. (in Russian)

References

1. Simbirceva T.M. “Zagadochnyj” baron P.G. von Möllendorf i ego “prorusskaja” dejatelnost v Koree (1882–1885) [“Mysterious” Baron P.G. von Möllendorf and his «pro-Russian» activities in Korea (1882–1885)]. *Voprosy istorii Korei. Peterburgskij nauchnyj seminar* [Questions of the history of Korea. Proc. of the Petersburg scientific seminar]. St. Petersburg, Fund of Oriental Cultures Publ., 2002, pp. 25-44. (in Russian)
2. Sharafetdinova A.I. *Politika SShA v Koree v 1866-1905 gg.* [U.S. policy in Korea in 1866-1905. Cand. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2014. 232 p. (in Russian)
3. An Jong-Chol. Korean understanding of “civilization” and “sovereignty” in the late 19th century: an analysis on three international law books. *Korea in global history: the long nineteenth century and the foreign powers. Program of conference.* Heidelberg, May 19–21, 2017, p. 7.
4. Peace, amity, commerce, and navigation treaty between the United States of America and the Kingdom of Chosen. *Library of Congress. United States treaties. 1775-1949. Vol. 1 (1776-1917)*. Available at: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans.php> (date of access: 08.07.2020).
5. Treaty of peace and friendship between the Empire of Japan and the Kingdom of Corea. *Database “The World and Japan”.* Univ. of Tokyo. Available at: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/indices/docs/index-ENG.html> (date of access: 08.07.2020).
6. Baek Seungcheol. Acknowledging of international affairs and diplomatic theory of the Kim Yun Shik’s Unyang. *Yeol-sang journal of classical studies*, 2014, no. 42, pp. 13-39. (in Korean)
7. Kim Moon-sik. Emperor Gojong's Diplomatic Protocol in Great Han Empire. *The Journal of Japanese Studies*, 2011, vol. 32, pp. 19-53. (in Korean)
8. Lee Eun-Ja. A study on the Chinese commercial affair office in late Qing dynasty). *Journal of Ming-Qing historical studies*, 2008, vol. 30, pp. 359-396. (in Korean)
9. Lee Younghak. Levying salt tax revenue and its characteristics in the late 19th century. *Korean studies*, 2012, vol. 26, pp. 389-430. (in Korean)
10. Yoo Ba-Da. From gyorin to diplomacy: international legal rights and limitations of Joseon’s foreign office. *The journal for the studies of Korean history*, 2019, no. 11, pp. 7-27. (in Korean)

Козлов Леонид Евгеньевич

кандидат политических наук, доцент,
кафедра международных отношений
Дальневосточный федеральный университет
Российская Федерация, 690922,
г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10
e-mail: leonidkozlov@yahoo.com,
kozlov.le@dvfu.ru

Kozlov Leonid Evgenyevich

Candidate of Sciences (Political Science),
Associate Professor, Department
of International Relations
Far Eastern Federal University
10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok,
690922, Russian Federation
e-mail: leonidkozlov@yahoo.com,
kozlov.le@dvfu.ru